

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

какъ русскій національный поэтъ.

Торжественное памятованіе дня рожденія А. С. Пушкина есть не только утѣшительный признакъ развившаго національнаго самосознанія въ нашемъ обществѣ, но и составляетъ прямой нравственной долгъ нашъ по отношенію къ этому великому поэту; потому что Пушкинъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ рѣдкихъ творческихъ натуръ, которыя, дѣйствуя въ кругу современныхъ интересовъ своего общества, этимъ самымъ создаютъ его будущее и чрезъ то уже не могутъ быть отнесены лишь къ области прошедшаго. Пушкинъ есть великая историческая личность, открывшая новые горизонты для литературнаго развитія нашего общества и сообщившая этому развитію самостоятельный и важный характеръ. Значительность его заслуги въ этомъ отношеніи характеризуется уже тѣмъ, что его именемъ обыкновенно обозначается новая эпоха въ исторіи нашей литературы,— эпоха ея самобытности и національности. — Такимъ образомъ, памятованіе этого великаго поэта есть въ сущности высокое національное торжество и самымъ приличнымъ его чествованіемъ является отчетливое сознаніе важности и рѣшительности произведеннаго имъ переворота.

Намъ извѣстно, конечно, что и до появленія Пушкина на литературномъ поприщѣ въ Россіи существовала, такъ называемая, художественная литература; но эта литература была такова, что за нѣкоторыми исключеніями ее, въ собственномъ смыслѣ, едвали и можно назвать русскою. Причина этого заключается въ томъ рѣзкомъ поворотѣ нашего общественнаго развитія, который произведенъ былъ вели-

кой реформой Петра. Приведенное этой реформой въ непосредственное соприкосновение съ западной Европой, русское общество того времени, въ сущности полуварварское и грубое, хотя и богатое задатками будущаго,—было поставлено лицомъ къ лицу съ началами и формами многовѣковаго и широкаго культурнаго развитія, которыя и должно было себѣ усвоить. Отсюда въ области литературы, какъ и во всемъ остальномъ, мы должны были учиться у иностранцевъ. Но при этомъ естественно, что постиженіе ихъ литературныхъ типовъ и образцовъ могло быть у насъ только не полное и одностороннее. Писатели наши не въ состояніи еще были оцѣнивать эти образцы въ ихъ дѣйствительномъ и истинномъ значеніи; они еще не могли отдѣлить въ нихъ форму отъ сущности, а тѣмъ болѣе, примѣнить ихъ къ интересамъ своей національной жизни. Этимъ и объясняется общій подражательный характеръ нашей литературы въ XVIII столѣтіи, произведенія которой были тѣмъ болѣе безжизненны и сухи, что и самые образцы ихъ на западѣ являлись воплощеніемъ отрѣшенной отъ дѣйствительности ложноклассической теоріи. Чтобы наглядно себѣ это представить, намъ достаточно лишь вспомнить литературную дѣятельность Третьяковскаго и Сумарокова, бывшихъ у насъ наиболѣе рабскими подражателями французскихъ образцовъ.

Правда, и до выступленія Пушкина на поприще литературы у насъ были нѣкоторыя отдѣльныя попытки въ смыслѣ большаго сближенія ея съ рускою жизнію и природою; но все это были опыты слабые и разрозненные, не могшіе измѣнить существенно ея общій подражательный и чуженародный характеръ. Вотъ какъ характеризуетъ это общее состояніе нашей литературы предъ Пушкинымъ знаменитый цѣнитель его поэзіи Бѣлинскій, о которомъ весьма прилично упомянуть при чествованіи памяти нашего великаго поэта: „Поэзія русская до Пушкина“, говоритъ онъ, „была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. И потому это была поэзія до наивности невинная: она грѣмѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжныя стишки къ милымъ и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностію ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невин-

ное бляеніе борашковъ, воркованіе голубковъ, поцѣлуй пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами: „пою“ или „о ты священна добродѣтель!“ и т. п. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старыя бабынскія сказки о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ за ропотъ на судьбу за живо увезенной мертвымъ женихомъ въ могилу и тому подобныя невинныя пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донскаго какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала, именно, тѣ пороки и недостатки общества, которыхъ въ обществѣ не было, и не дотрогивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно,—такъ что комедіи Фонъ-Визина являются въ этомъ отношеніи, какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала скорѣе на пороки древне-греческаго и римскаго, или старо-французскаго общества, чѣмъ русскаго¹⁾. — И на самомъ дѣлѣ, даже вашнѣйшіе старшіе современники Пушкина, Батюшковъ и Жуковскій, были въ сущности не свободны отъ этихъ общихъ недостатковъ. Поэзія Батюшкова, важная и строгая по стилю, была приурочена, главнымъ образомъ, къ чуждымъ русскому духу его италіанскимъ и древне-классическимъ симпатіямъ; точно также какъ и въ высшей степени сладостная, мечтательная меланхолія, проникающая поэзію Жуковскаго, это всегдашнее стремленіе его къ чему-то отдаленному и непрерывно отъ него ускользающему,—болѣе соотвѣтствовали традиціямъ нѣмецкаго романтизма, чѣмъ русскому народному чувству. Только въ Пушкинѣ русская жизнь и природа впервые встрѣтила своего вдохновеннаго пѣвца и только у него одного даже и встрѣчающіяся уклоненія отъ русской дѣйствительности, подобныя сейчашъ указаннымъ, неизмѣнно избылиуютъ отѣнками народнаго чувства. Вотъ почему онъ и явился первымъ рѣшительнымъ провозвѣстникомъ русскаго національнаго духа въ нашей литературѣ и только онъ одинъ могъ о себѣ съ полнымъ правомъ сказать:

¹⁾ Вѣлинскій 8 т. 443 стр.

И неподкупный голос мой
 Былъ эхо русскаго народа.

Такое представленіе о Пушкинѣ для насъ столь обычно и такъ родственно нашему непосредственному чувству, близко знакомому съ его поэзіей, что не было бы нужды и распространяться объ этомъ, если бы здѣсь не существовало нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ затрудненій. Пушкинъ есть наша слава, національная гордость; но дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ европейской образованности, воспитанный на образцахъ иностранной словесности, и вотъ отсюда могутъ возникать сомнѣнія въ своенародности и оригинальной самобытности его поэзи. Извѣстно, что еще въ лицѣ онъ, за свое знакомство съ вапнѣйшими образцами западно-европейской литературы, получилъ отъ своихъ товарищей названіе француза и мы знаемъ, такъ-же, что въ замыслѣ многихъ своихъ произведеній онъ иногда сознательно подражалъ иностраннымъ образцамъ. — Очевидно, что вопросъ объ отношеніи Пушкина къ иностраннымъ поэтамъ такъ важенъ въ сужденіи о народности его поэзи, что требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманія отношенія Пушкина къ любимому имъ французскому лирику изъ времени революціи Андрею Шенье.—Пушкинъ познакомился съ его произведеніями на югѣ Россіи и первый оцѣнилъ разлитое въ нихъ нѣжное чувство поэта, соединенное съ античнымъ изяществомъ формы. Въ подраженіе ему онъ написалъ четыре стихотворенія, а его самага сдѣлалъ предметомъ превосходнаго лирическаго произведенія, подъ названіемъ „Андрей Шенье“, гдѣ съ необыкновенно нѣжнымъ участіемъ изобразилъ чувства, волновавшія душу этого поэта предъ его безвременной гибелью на гильотинѣ. Думаютъ, что и большая часть самостоятельныхъ антологическнхъ стихотвореній Пушкина такъ-же навѣяна на него чтеніемъ Андрея Шенье ¹⁾. Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что Пушкинъ лишь рабски подражалъ здѣсь французскому поэту, относясь къ нему безъ всякаго критическаго сознанія, отнюдь невозможно. Напротивъ, увлекаясь его меланхолической музою, онъ вовсе не сочувствовалъ ни его классическимъ симпаті-

¹⁾ Соч. Пушкина Изд .Г Поливанова I т 105 стр

ямъ, ни изысканной манерности его стиля и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Вяземскому дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ слѣдующій о немъ отзывъ: „Ты упоминаешь объ Андрѣ Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ. Это ученый подражатель. Отъ него такъ и пахнетъ Теокрытомъ и Аноэлогией. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ сонетти и отъ французскихъ antitheses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли ¹⁾... Сообразно съ этимъ, онъ просто передѣлывалъ краткія лирическія произведенія Шенье, сообщая имъ оригинальную грацію и изящество, а въ свои собственныя анологическія стихотворенія вводилъ психологическій анализъ, вовсе не встрѣчающійся у французскаго поэта. Такимъ образомъ, если Пушкинъ и былъ подражателемъ Андрея Шенье, то подражателемъ особеннымъ, совсѣмъ уже не такимъ, какіе были и насъ ранѣе.

Нѣчто подобное слѣдуетъ сказать и объ отношеніи Пушкина къ лорду Байрону.—Пораженный колоссальностію образовъ и общимъ мрачнымъ величіемъ поэзіи Байрона, Пушкинъ, во время жизни своей на югѣ Россіи, отчасти подчинился его вліянію и въ стихотвореніи своемъ „Къ морю“ рисуетъ личность этого поэта слѣдующими возвышенными чертами:

... Другой отъ насъ умчался геній,
 Другой властитель нашихъ думъ.
 Исчезъ, оплаканный свободой,
 Оставляя міру свой вѣнецъ.
 Шуми, волнуйся непогодой:
 Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
 Твой образъ былъ на немъ означенъ;
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Дѣйствительно, въ этотъ періодъ своей литературной дѣятельности Пушкинъ, очевидно, воспроизводитъ байроновскіе типы и на его „Кавказскомъ Плънникѣ“, на Гирѣ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, на Алеко въ „Цыганахъ“ и даже въ первой пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ явно отражается

¹⁾ Соч. Пушкина Изд. Л. Поливанова: 5 т, 518 стр

мрачная тѣнь героевъ британскаго поэта: всѣ они надѣлены здѣсь тѣми же сильными страстями и тою же помраченною волей. Но все это было лишь отчасти и при томъ было совершенно временнымъ явленіемъ. Байронъ и Пушкинъ представляли собою слишкомъ особенныя, до противоположности различныя натуры и потому это увлеченіе нашего поэта, не глубокое само по себѣ, прошло очень скоро и совершенно безвозвратно. Уже въ „Цыганахъ“ въ словахъ, обращенныхъ старымъ цыганомъ къ Алеко: „Ты не рожденъ для дикой доли,—Ты для себя лишь хочешь воли“,—слышится сомнѣніе въ идейныхъ основахъ байронизма, ставившаго на пьедесталь автономію человѣческой личности. Въ насмѣшливой одѣ своей къ графу Хвостову, относящейся къ этому же времени, Пушкинъ писалъ: „Се Байронъ — Феба образецъ!... Глубокъ онъ, но единообразенъ“.... Въ первой пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ поэтъ нашъ прямо уже выражаетъ опасеніе, чтобы кто не подумалъ,

Что намаралъ я свой портретъ
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

Въ самомъ же содержаніи этой поэмы онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ своего героя, проникнутаго идеями байронизма:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ
Сеи ангель, сеи надменный бѣсъ
Что жъ онъ?...

Въ 1825 году, въ письмѣ изъ Михайловскаго, Пушкинъ простодушно сознается своему пріятелю, что Боульсъ и Байронъ, полемизировавшіе предъ тѣмъ, оба „заврались“¹⁾. Наконецъ, при написаніи „Бориса Годунова“, Пушкинъ, изучавшій тогда Шекспира, пишетъ, между прочимъ: „Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ предъ нимъ Байронъ—трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ—именно свой собствен-

¹⁾ Анненковъ: матеріалы для біографіи Пушкина: 126 стр

ный. И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою городость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность; такимъ образомъ, изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?...“¹⁾

Отъ Байрона Пушкинъ переходитъ къ почитанію Гёте и переходитъ сознательно, съ полнымъ художественнымъ разумѣніемъ. Онъ безпристрастно сравниваетъ обонхъ поэтовъ и съ истинно гениальной пронизательностію отдаетъ рѣшительное предпочтеніе міръ объемлющей фантазіи нѣмецкаго поэта предъ узкимъ, хотя и глубоко выраженнымъ индивидуализмомъ лорда Байрона. „Байронъ“, замѣчаетъ онъ въ 1827 году, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Манфредѣ онъ подражалъ Фаусту,—замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности“²⁾. Еще ярче и рельефнѣе онъ сопоставляетъ этихъ корифеевъ новѣйшей поэзіи въ слѣдующей своей замѣткѣ, относящейся къ 1829 году: „Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльда Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ какъ Іаковъ“³⁾. — Юный поэтъ Веневитиновъ, глубоко уважаемый Пушкинымъ, не задолго до своей смерти, обратился къ нему съ посланіемъ и въ слѣдующихъ прочувственныхъ строфахъ убѣждалъ его воспѣть великаго старца Германіи, Гёте, подобно тому какъ онъ воспѣлъ Байрона и Шенье:

Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселья хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ....
Наставникъ нашъ, *наставникъ твой*,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,

1) Анненковъ: матеріалы для біографіи Пушкина: 135 стр.

2) Соч Пушкина. Изд. Поливанова: 5 т., 28 стр.

3) Тамъ же: 5 т 117 стр

Въ своей Германіи родной...
 Досель въ немъ сердце не остыло,
 И вѣрь, онъ съ радостью живой
 Въ пріютъ старости унылой
 Еще услышитъ голосъ твой.
 И можетъ быть тобою плѣненный
 Послѣднимъ жаромъ вдохновенный
 Отвѣтно лебедь запоётъ...

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ, Пушкинъ въ 1825 году написалъ превосходную драматическую сцену, подъ названіемъ: „Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“, которая, однакожь, ни по замыслу своему, ни по исполненію почти ничего общаго не имѣетъ съ „Фаустомъ“ Гёте и представляетъ только дальнѣйшее развитіе идей, ранѣе выражаемыхъ поэтомъ въ его лирическомъ стихотвореніи „Демонъ“. Существуетъ предположеніе, что Гёте зналъ объ этой сценѣ и по свидѣтельству одного изъ біографовъ Пушкина послалъ ему поклонъ чрезъ одного русскаго путешественника, препроводивъ съ нимъ въ подарокъ свое перо, которое поэтъ нашъ хранилъ въ своемъ кабинетѣ въ богатомъ футлярѣ съ надписью: „подарокъ Гёте“ ¹⁾.

Наконецъ, при написаніи своего Бориса Годунова Пушкинъ весь отдался ревностному изученію Шекспира и мы видѣли уже съ какою глубокою пронизательностію онъ оцѣнивалъ общую художественную манеру этого поэта въ области трагедіи, по сравненію съ Байрономъ. Что Пушкинъ не менѣе тонко понималъ превосходство Шекспира и въ области комедіи, доказательствомъ этого служатъ слѣдующія его соображенія, относящіяся къ 1833 году: „Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ предъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣръ; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣръ; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣръ. У Шекспира лицемѣръ

¹⁾ Анненковъ: матеріала для біографіи Пушкина: 185 стр

произность судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо.... Анжело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ. Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь подобную древней вакханалии ¹⁾.... И вотъ въ своемъ Борисѣ Годуновѣ Пушкинъ, по его собственному признанію, старается подражать Шекспиру какъ въ объективномъ „изображеніи эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами и романическими вспышками“, такъ и „въ вольномъ широкомъ изображеніи характеровъ“ ²⁾. Но, очевидно, что все это относится лишь къ внѣшней, технической сторонѣ этой трагедіи, а вовсе не къ содержанію ея, представляющему широкую историческую картину русской національной жизни и характера.

Такъ развивался и дѣйствовалъ нашъ знаменитый національный поэтъ въ связи съ величайшими творческими геніями новѣйшаго человѣчества. Но совершенно ясно, что всѣ они—Шенье, Байронъ, Гете и Шекспиръ—обозначаютъ собою лишь преходящія ступени въ раскрытіи собственныхъ поэтическихъ дарованій въ Пушкинѣ,—ступени, по которымъ онъ постепенно восходилъ къ полному уразумѣнію общихъ задачъ и законовъ художественнаго творчества. И можно думать, что именно, благодаря имъ, Пушкинъ и достигъ такого разумѣнія. Послѣ изученія Шекспира онъ самъ о себѣ сказалъ: „Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, безпристрастный цѣнитель Пушкина непосредственно чувствуетъ, что ни одно изъ его твореній не исчерпываетъ собою полной мѣры его духовныхъ силъ, что онъ вообще гораздо выше, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства своихъ произведеній и что, если бы не безвременная его кончина, онъ могъ бы вознести современное ему общество на уровень высшихъ культурныхъ задачъ человѣчества. Въ этомъ отношеніи,

¹⁾ Соч. Пушкина. Изданіе Л. Поливанова: 5 т 129 стр.

²⁾ Анненковъ: Матер для біографіи Пушкина: 133, 137 стр.

³⁾ Тамъ же: Матер для біографіи Пушкина: 136 стр.

разсматривая массу оставленныхъ имъ предначертаній, его можно себя представить какъ-бы говорящимъ:

Теперь стою я какъ ваятель
 Въ своей великой мастерской.
 Передо мной—какъ исполнины,
 Недовершенныя мечты!
 Какъ мраморъ ждуть онѣ единой
 Для жизни творческой черты...
 Простите-жъ пышныя мечтанья!
 Осуществить я васъ не могъ!...
 О, умираю я, какъ богъ
 Средь начатаго мірозданья! 1).

Но и того, что успѣлъ Пушкинъ по себя оставить, оказалось вполне достаточно, чтобы вдохнуть живую душу въ омертвѣлыя и заимствованныя формы современной ему литературы, направивъ ее на путь самобытнаго національнаго развитія. И слѣдуетъ замѣтить что и въ этомъ отношеніи изученіе упомянутыхъ нами иностранныхъ писателей не только не обезличило, но даже возвысило общее національное значеніе нашего поэта, придавъ народной стихіи въ его произведеніяхъ высшую и совершеннѣйшую форму. „Истинная національность“, говоритъ Гоголь, „состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа; поэтъ можетъ быть даже и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“ 2). Такова, именно, и есть народность Пушкина. Она не есть та примитивная и непосредственная народность, которая обнаруживается, напримѣръ, въ пѣсняхъ народа. Въ произведеніяхъ Пушкина проявляется народность высшая и совершеннѣйшая, именно та, въ которой просвѣчиваетъ общій родовый пошибъ нашего народнаго существа и въ которой сквозь тончайшія проявленія и отношенія національнаго духа постоянно проглядываетъ ихъ общая принадлежность человѣчеству.

Прекрасно сознавали такое значеніе Пушкина какъ вели-

1) Перцовъ: Философскія теченія русс поэзіи 8 стр

2) Бѣлинскій 8 т 525 стр.

каго національнаго поэта и лучшіе изъ его современниковъ, изъ которыхъ Гнѣдичъ, напримѣръ, обращается къ нему съ слѣдующимъ краснорѣчивымъ посланіемъ:

Пушкинъ, Протей

Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ
пѣснопѣній!

Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!

Пои, какъ поешь ты, родной соловей!
Байропа гений, иль Гете, Шекспира—

Геніи ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:

Ты же, постигнувшій таинства Русскаго духа и міра,
Ты нашъ Баянъ!

Небомъ роднымъ вдохновенный,

Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

Вотъ почему и самъ поэтъ выражалъ твердое убѣжденіе, что къ нерукотворному памятнику, поставленному имъ надъ могилою своими произведеніями „народная тропа не зарастетъ“,—и вышшія повсемѣстныя чествованія на Руси его столѣтней годовщины служатъ блестящимъ оправданіемъ того, что смутно чуяло его вѣщее сердце.

І. Татарскій.
